

ЛАНА КАМИНСКАЯ

Лана Каминская

Сердце дракона. Книга 3

«Литнет»

2022

Каминская Л.

Сердце дракона. Книга 3 / Л. Каминская — «Литнет», 2022

Со стороны кажется, что у хозяина юга, Гайларда Стернса, есть всё: земли, армия, титул, громкое имя и заманчивое будущее. Вот только это кажется со стороны. А что делать, если внутри всё давно умерло и ночи стали кошмарами? Можно превратиться в равнодушного агрессора, можно влюбиться, можно даже бросить вызов древним пророчествам. Но что, если твоим соперником будет дракон? Непростой дракон...

© Каминская Л., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1. «Белая лошадь»	5
Глава 2. Особое мнение	12
Глава 3. Ароматами горьких трав	21
Глава 4. Неприятная весть	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. «Белая лошадь»

В трактире «Белая лошадь» уже который день было мало посетителей. Хозяин отлично знал причину, но ничего поделать не мог. Прибывшие гости, едва спешившись, торопились выпить обычной воды (вместо пива-то!), сунуть в руку хозяина грош и удрать поскорее из этих мест в надежде, что через пару миль встретят ещё одно, где будет... спокойней. И хотя нигде в округе больше таких мест не было, а хозяин это прекрасно знал и пытался донести до улепётывающих гостей, никто его не слушал. Вот и приходилось тяжело вздыхать, сидя за прилавком, подперев подбородок рукой, и пялиться на открытые двери, через которые в трактир залетали одни лишь мухи.

Вытерев пивную кружку посеребрившим от старости полотенцем, хозяин трактира поставил её к остальным, уже чистым, снова тяжело вздохнул и злобно покосился в дальний угол, где было темно и сыро. Затем опять перевёл взгляд на двери и подскочил на месте от радости, заведя у порога тень, а после и самого путника, появившегося в дверном проёме. Может, хоть этот не сбежит?

– Открыто? – спросили громко, и хозяин, от волнения растеряв все слова, спешно закивал.

– Прошу, – наконец сообразил он, что сказать, и выскочил из-за прилавка. – Вот сюда. Вот к этому столику, пожалуйста. Чего изволите? У нас сегодня ягнёнок со скидкой.

– Тогда ягнёнка и несите, – ответил гость, развязал верёвки на плаще и снял его. – У вас пусто, – добавил он, окинув помещение быстрым взглядом. – Что так? Не сезон?

Хозяин тут же помрачнел, предчувствуя, что если подастся во все правды, то и этот клиент испарится, и даже про брошенный на лавку плащ позабудет. Но врать было не в его привычках (разве только слегка не доливать пива, но это враньём не считается), поэтому он уныло вымолвил:

– Да как не сезон? Ещё какой сезон! И расположение у этого места самое наилучшее. Вон сколько дорог тут сходится и в разные стороны расходится. Раньше только и успевал монеты собирать, но вот в последние два дня дела совсем неважно идут.

– Почему? Зверь какой рядом бродит, что ли? Так поставь капкан.

– Да никакого зверя нет, но все лошади беснуются. Вон и ваша фыркает, как одичалая.

– Эта она устала. Ехал издалека, загнал бедную. Скоро отойдёт.

Последние слова гостя приободрили хозяина. Путник настроен был на долгий отдых и, видимо, на траты по-крупному, раз, не долго думая, согласился на самое дорогое блюдо.

– А пива к ягнёнку не желаете? – услужливо спросил хозяин, тем самым ловко переводя тему с нежелательного на доходное.

– Пива можно, – охотно пошёл на встречу гость, и хозяин заулыбался.

Он хорошо знал, что крупные заказы делают только путешественники, сильно измотанные дорогой и намеревающиеся отдыхать много часов, за которые они попросят ещё немало добавки и потратят немало денег. Неужели, наконец свезло?

В эту минуту в тёмном углу утробно зарычали, и послышалась странная возня. Как будто кто-то шевелился на досках, устланных шумным сеном, и недовольно ворчал.

– Что это? – насторожился путник и покосился в сторону дальней стены. – Кто там у тебя? Медведь?

Хозяин снова погрузился и про себя выругался. И надо было той скотине замычать именно в этот момент! Не мог выждать с часок и потом начать? Этот только что прибывший господин вроде и выглядит храбрецом и выдавшим многое, но и ему может не понравиться, если ему в лицо дыхнут кислятиной, а затем расквасят морду. Такое никому не понравится.

Даже не пришлось к душе задире Вадесу, известному драчуну среди бродячих актёров. Их фургончик много путешествовал из одной части Нолфорта в другую, и путь часто лежал через этот лес, так что Вадеса хозяин трактира знал хорошо, а также отлично знал, что лучше его кулака в округе не было. Но вот вчера нашёлся один... И даже Вадес не смог ему противостоять.

– Да не смотрите вы туда. – Хозяин постарался звучать равнодушно. – Пьянь там всякая валяется, не просыхает уже который день.

– Пьянь? Точно? Рычит как тигр.

– Точно пьянь. Голову на отсечение даю. А если его рык вас коробит, то я вам пива бесплатно налью. За причинённые неудобства.

Путник хмыкнул.

– Ну, неси... пиво, – выдавил он и, улучив момент, когда хозяин шмыгнул за деревянную стенку, отделявшую обеденную залу от пивных бочек, встал и направился к сдвинутым в угол лавкам и столам, среди которых лежало нечто.

Оно представляло собой груды тряпок, сваленных друг на друга и укрытых тулупом, который в землях Торренхолла был большой редкостью. Кому вдруг стало холодно под жарким южным солнцем, было загадкой, которую прибывший в трактир гость зачем-то стремился разгадать. Подняв с пола сломанную ножку то ли от стола, то ли от стула, он осторожно потыкал ей прямо в центр тулупа. В ответ простонали.

– Вы бы не приближались к нему, – внезапно послышался голос из-за спины.

Гость обернулся. Позади стоял хозяин с кружкой, полной пива, и блюдом с лепёшками и чесночным маслом.

– Он мне всех постояльцев перепугал. – Хозяин поставил еду и пиво на стол. – Явился несколько дней назад, попросил вина покрепче. Потом ещё. Пил и пил, ничего не ел. Потом ему стало плохо, и он принялся буяннить, словно одичал. И ладно бы его кто словом задел или в рожу плюнул, а то ведь без причины начал кулаками махать. А кому приятно будет получить в глаз, когда смакуешь жареное мясо с розмарином?

– Никому.

– Вот все и ушли. Некоторые даже не заплатили. Считаю, еда и выпивка достались им даром.

– И тумачи.

– Да уж... – протянул хозяин и покачал головой. – Свалилось же напасть на мою голову!

– Может, я попробую с ним что-то сделать? На ноги поставить, например. Здоровый же мужик должен быть, крепкий. Это по пятке видно. Вон она высывается. Ему бы только протрезветь, так он вам все дрова переколет и навес починит в качестве платы за причинённый ущерб.

– Бросьте эту затею, господин! – разволновался хозяин. – Он спит и пусть себе спит. Как говорится, не буди лихо...

– Как скажете, – пожал плечами гость и отошёл к накрытому для него столу. Опустился на лавку, отломил кусок лепешки, обмакнул в масло и принялся монотонно жевать, продолжая подглядывать в тёмный угол.

Хозяин же подался в воспоминания:

– Разбудил я его один раз. Думал, он уже отошёл после пьянки-то, а он так странно на меня посмотрел, что у меня чуть сердце от страха из груди не выпрыгнуло.

– И что странного было в его взгляде?

– Да как вам сказать... Нечеловеческий взгляд какой-то... Звериный, если так можно сказать.

– Как у пса?

– Псы добрее смотрят. Даже голодные и обиженные на жизнь.

Гость хмыкнул.

– А дальше что? Разбудили вы его, и что было?

– Да он чуть не покончил с собой. Той деревяшкой, которой вы в него тыкали, чуть голову себе не разможил. Я вовремя его руку перехватил, за что получил вот это. – Хозяин закатал рукав рубахи, оголяя плечо и предъявляя синие пятна. Кое-где кожа была продрана до крови, но раны уже начали затягиваться. – Устрой он такое ещё раз, я становиться на его пути больше не буду. Пусть лучше сам себя уколошит, чем я останусь без прибыли. Пока он тут валяется, у меня мясо тухнет. Найти бы такого человека, который его отсюда вытащит, иначе я долго не протяну.

– Так, может, всё же разбудим? Вместе будет легче с ним справиться.

Хозяин почесал затылок. Предложение звучало заманчиво, но быть огретым во второй раз очень не хотелось.

– Если так желаете поднять его на ноги, то, прошу, вначале доешьте ягнёнка и оплатите обед, а потом уж делайте что душе угодно.

Гость хмыкнул.

– Согласен. Да и на пустой желудок меряться силой как-то не привык.

– Тогда я пойду проверю ягнёнка, – радостно подхватил хозяин. – А вы ешьте-ешьте. Если добавки захотите, только скажите, – буду рад обслужить вас лучше, чем в столичных тавернах.

Гость повёл носом:

– Предвкушаю роскошный обед, – ответил он, снова смочил кусок хлеба в масле, съел, запил пивом, а после снял перекинутую через плечо холщовую торбу, развязал и вытащил из неё книгу. Положил на стол перед собой, открыл и пролистал несколько страниц. В книге говорилось о ящерках, и даже на обложке сидела одна малахитовая с глазами из жёлтых камней.

На земли Нолфорта Рион ступил с беспокойными мыслями. Разговор с Ферраном Стенденом, состоявшийся почти сразу после совета у королевы, никак не выходил из головы. Всё, что бормотал с трудом пришедший в себя военный командир, больше походило на бред полумного, чем на речь человека, лучше всех в мире знающего своё дело. Военные мыслят чётко, говорят кратко и только по делу – Ферран же сбивался почти на каждой фразе, вначале говорил одно, потом перечёркивал сказанное другим. Понять, что произошло с кораблями, было сложнее, чем выиграть столетнюю войну, но Рион всё же пытался. А когда плыл по морю в небольшой торговой лодке, гружённой специями и тканями, то внимательно всматривался в синюю даль, но так и не смог нигде разглядеть хотя бы намёка на остроконечные пики, о которых твердил Стенден.

Любой другой назвал бы всё выдумкой и давно махнул рукой, однако Рион пытался свести услышанное в единую картину. В дороге даже заговорил на эту тему с моряками, но те только недоуменно пожимали плечами. Все как на подбор твердили, что, хотя Хмурое море и прозвали Хмурым, и его воды действительно были больше серыми, чем голубыми, и беспокоилось оно чаще, чем у стариков ныли кости на непогоду, никаких чёрных скал в нём никто никогда не наблюдал. Море было глубоким, и бывалые морские волки отлично знали, что надо хорошенько постараться, чтобы нарваться на мель.

Но Рион и тогда не сдавался. Проигнорировав желание Ирис отправить его на одном из тех кораблей, которые спасли жизни людей Гайларда Стернса, Рион поднялся на борт небольшого торгового судна и, заплатив капитану солидную сумму серебром, потребовал сменить курс и пройти именно тем, каким могли идти корабли Стернса. Курс сменили, но весь путь по морю от Берлау до Нолфорта прошёл в непонятках и раздумьях, и ни одной скалы обнаружено не было.

Пришвартоваться в Порте торговое судно не смогло: капитан не располагал нужным разрешением. Вместо Порты причалили к берегам одной из деревушек, где Рион смог выторговать себе лошадь, после чего отправился верхом в Торренхолл. Трактир попался по дороге

случайно, но очень кстати. Хотелось и пить, и есть, а прежде всего посидеть в тишине и подумать, поэтому отсутствие почитателей Риона больше радовало, чем напрягало. Валяющийся же в углу пьяница, пусть и дебошир, был не в счёт: угрозы он не представлял, как и интереса тоже.

Рион перевернул страницу книги. Ничего нового из прочитанного он так и не узнал: особенности жизни, питания и размножения многоликих крестолапок он и без книги знал наизусть. Даже видел одну в далёком детстве. Та схватила языком муху, прожевала и, почуяв, что Рион вот-вот накроет её самодельным сачком, обратилась той самой мухой, которую только что съела, и даже сачок был ей не помехой. Ловко вылетев через дырку в сетке, она оставила Риона недоумевать на месте.

С той поры Рион больше не встречал крестолапок. Говорили, что их вид ещё жив, что прячется где-то в скалах и среди камней, но, как бы Рион ни желал найти хоть одну из них и выпотрошить для исследования, ни одной так и не обнаружил.

Груда тряпок в углу зашевелилась, и раздался тяжёлый вздох. Так обычно просыпаются пьяницы после попойки, ощущая сильное головокружение, ужасную сухость во рту и предчувствуя занесённую над их головой скалку, которую уже держит за спиной сварливая жена.

Рион повернул голову на шум. Тулуп был сброшен, тряпки разлетелись в разные стороны, и на всём этом ворохе сидел молодой человек: крепко сложенный, загорелый, с давно небритой щетиной на лице и спутанными волосами, в которых можно было отыскать даже собранную с пола паутину. Отфыркавшись от пыли, он потянулся, почесал бок, встал, прошёл, шатаясь, к столу, за которым сидел Рион, шмякнулся на скамью, схватил кружку, ещё наполовину полную пива, приложился к ней и стал жадно пить. Когда выпил всё до последней капли, жажнул ей об стол и вытер губы.

– Ещё? – вежливо поинтересовался Рион и на всякий случай закрыл и отодвинул ценную книгу в сторону.

– А можно? – прохрипели в ответ.

– И даже две. – Рион щёлкнул пальцами и крикнул хозяину, высунувшему морду из-за деревянной перегородки: – Ещё пива. Две... Нет. Три кружки. Меня тоже мучает жажда, – добавил он, уже глядя в глаза пьяницы. – Жара на улице страшная.

– Если ты угощаешь...

Насчет угощения Рион не уточнил, зато придвинул к пьянице тарелку с лепёшками.

– Ты поешь, – предложил он. – А то совсем человеческое обличье потеряешь.

Последняя фраза отозвалась во взгляде сидевшего напротив дебошира странным блеском. Так блестят в ночи глаза у кошки, когда она медленно крадётся к добыче.

– Как звать-то? – спросил Рион, сделав вид, что ничего странного не заметил. – И какого лешего ты тут всё разнёс?

– Дален, – выдавил пьянчуга, схватив с блюда лепешку и спешно засовывая себе в рот.

– Эй, полегче, – остановил его Рион. – Слишком быстро не ешь, а то обратно пойдёт. В твоём состоянии лучше потихоньку.

Дален проглотил вставший поперёк горла кусок и кивнул. Станный блеск во взгляде тут же потух.

На стол поставили ягнёнка, и Рион подвинул и эту тарелку своему новому знакомому.

– И на мясо налегай, – по-доброму посоветовал он. – Хоть протрезвеешь.

Дален снова кивнул, потянулся за небольшим куском, как вдруг его странно передёрнуло.

– Холодно-то как, – пробормотал он, обхватив руками плечи и потирая их.

– Холодно? – Рион расстегнул на себе куртку и снял её. Ему, напротив, было очень жарко.

– Я весь мурашками зашёлся. – Дален снова принялся растирать плечи. – А они, гады, всё не уходят. Как чешуей прилипли.

– Тогда ешь быстрее, – Рион взглядом указал на жареного ягненка. – Ешь, пока не остыло. Может, тебе тулуп принести?

– Он тоже не помогает. Я полночи дрожал, потом отпустило, сейчас вот снова. Уж лучше ещё раз нож в спину, чем такое... Невыносимо.

– Лучше озноб, чем нож в спину, – заметил Рион. – От последнего, знаешь ли, умирают. Дален многозначительно хмыкнул.

– Я бы и рад умереть, да не получается.

– Может, я помогу?

– Таких помощников уже с десятков было. Один третьего дня мне голову размозжить пытался, а та как стальная – ничего её не берёт. Другой руку ломал, даже кость хрустнула, а к вечеру уже всё срослось обратно. Да что таить, я и нож в спину получал. Рана как на собаке зажила. Быстро и безболезненно.

– Ты везунчик.

– К кракену такое везение, – выдохнул Дален и хлебнул пива.

– А руку покажи, – внезапно попросил Рион.

– Чего?

– Руку, говорю, покажи. Ту, которую ломали. Заверни рукав, я посмотрю. Я немного лекарь, смогу определить, что тебе с ней сделали и правда ли опасность миновала.

Дален замешкался.

– Чего боишься? – фыркнул Рион. – Думаешь, я сломаю её во второй раз? Кормил бы я тогда тебя мясом...

– Да чего мне какого-то тощего пиявочника бояться, – произнёс Дален и закатал рукав рубахи.

К его удивлению хватка у того, кого он посчитал дохляком, оказалась что надо. Дален даже скривился, потому что заныли синяки, на которые с силой надавили. Однако вместе с болью по телу разлилось и тепло. Шло оно от горячих ладоней Риона: сразу куда-то девался озноб, и мурашечный рой отступил. Приготовившись размякнуть, Дален закрыл глаза, как вдруг за руку дёрнули так, что всё умиротворение улетучилось, зубы заскрежетали, а внутри запульсировало, будто начал просыпаться до той поры крепко дремавший вулкан. А когда и на предплечье надавили, что кость чуть не хрустнула, сердце окончательно захлебнулось в лаве гнева. Не в силах более сопротивляться тому, что стремилось вырваться наружу, Дален встрепенулся, вскинул голову, отпихнул от себя Риона и впился ему пальцами в горло, сдавливая то. Лекарь захрипел.

– А я было поверил тебе, – прошипел Дален, как шипят змеи на тех, кто представляет опасность для их детёнышей, прячущихся за яичной скорлупой. – Подумал, ты и правда костоправ. А ты костолом, каких душить надо. Думаешь, не смогу? Думаешь, силы не хватит? Ошибаешься. Я этой рукой не только крупную рыбу убивал, но и тварь, которую ты в своём уме даже вообразить не можешь, и жену с любовничком.

– А бросаться на людей, что делятся с тобой едой и выпивкой, ты в какой момент начал? – с трудом произнёс Рион, обхватил руку Далена своей и попытался её отвести. – После того как жену прикончил или раньше?

Услышанное обильно засыпало снегом бушевавший внутри вулкан. В который раз за последние дни Далену показалось, что пелена падает с глаз, предъявляя взору то, что он натворил, будучи не в себе от злости.

Дален разжал пальцы и в ужасе отшатнулся от того, кого чуть было не прикончил. Рион потёр покрасневшую шею и поводит головой вправо-влево. Все кости были на месте.

– Прости, – заикался Дален. – Я не понимаю, как это произошло...

– Бывает, – прохрипел Рион и поманил к себе пальцем побелевшего от страха хозяина, прятавшегося за пивной бочкой. – Неси ещё выпить, – распорядился Рион, когда хозяин подковылял к столу. Однако остановился не рядом, а у соседнего стола: боялся, что горячий на

руку гость снова выйдет из себя и ненароком пришибёт и того, кто на время дал крышу над головой.

– Как же это всё мерзко... – проронил Дален, поникнув.

– Что именно? – спросил Рион, продолжая потирать шею.

Из торбы была выужена баночка с мазью болотного цвета. От неё пошёл горький запах полыни, стоило Риону нанести немного себе на кожу.

– Ощущаю себя выпотрошенной рыбой. Оболочка осталась, а внутренности разбросаны по полу.

Рион оторвал взгляд от мази и осмотрел Далена с головы до пят. Даже не поленился под стол заглянуть, но ноги у моряка из Ланимора были как ноги – не лапы там какие-нибудь и не плавники.

– Ты перегнул палку. Кишок я нигде не вижу.

– Я ж это... образно. – Дален махнул рукой. – Да тебе всё равно не понять. Никому этого не понять.

– А мне тем более, – подхватил Рион. – Живу всего ничего.

Теперь пришла очередь Далена смотреть на лекаря.

– Так и есть, – согласился он, скользнув взглядом по молодому лицу. – Готов поспорить, годами ты младше меня, а ещё в целители себя записал.

– А как мои года связаны с моими умениями? Ты вот тоже молод, а в море, готов поспорить, кого угодно за пояс заткнешь. И зря ты мне не доверился. У тебя вывих плеча. Я мог бы вправить кость, но ты зачем-то решил, что тебе это не нужно. Больше лезть с помощью не буду. Само встанет на место.

– Само?

– А что? Пока мы тут с тобой болтали, царапина на твоём запястье почти исчезла. А ведь ещё недавно была сырой.

Дален посмотрел на руку. Там и правда была небольшая царапина, которую он умудрился заполучить, когда выкарабкивался из тряпок. В какой-то момент не углядел палки с острым гвоздем – вот и заполучил себе метку: неглубокую и сильно не кровоточащую. Таких и раньше было много, но все они заживали дня за два или три. Никак не за несколько минут.

– Странно всё это, – пробормотал Дален и посмотрел в тот самый угол, в котором лежал.

Но его собеседник не разделял его удивления и же просто просто делал вид, что ничего особенного не замечает. Зато умело давил на большую мозоль:

– Так ты нажрался как свинья и устроил дебош, потому что жена тебе изменила?

– Потому что убил её.

– А убил, потому что застукал с любовником?

– Я любил её больше жизни.

– Ну так и лишал бы жизни себя. Её-то зачем?

– Когда увидел её вместе с Гилом... во мне словно зверь проснулся.

– В каждом из нас до поры до времени живёт такой зверь. Кто-то умело укрощает его; кто-то позволяет выйти наружу.

Дален покачал головой.

– Тут что-то другое. Я чувствую, но не могу объяснить.

– Тогда не думай об этом. Рано или поздно забудется.

Рион вытер перепачканные в целебной мази пальцы и взялся за мясо. Оно уже прилично остыло, но Рион был столь голоден, что даже холодное ел с удовольствием.

Притворное равнодушие на лице и напускная холодность боролось со страстным желанием в сердце узнать побольше о нахале напротив. Но в некий нужный момент Рион понял, что идти напролом – плохая идея. Поспешать медленно было тем самым девизом аптекаря из Берлау, которому он неуклонно следовал. И на данном этапе перевес сил был явно на стороне

моряка, пусть и нетрезвого, и местами побитого. Шея до сих пор помнила огонь его рук; глаза – зверский взгляд, какой бывает только у глубоко одержимого человека, остановить которого практически невозможно. Однако оставлять загадки неразгаданными Рион не привык, поэтому внезапно для Далена и подслушивающего хозяина сменил тему:

– Я держу путь в Торренхолл. Сам я не местный. Может, подскажешь, в какую сторону ехать?

– В Торренхолл? У меня там сестра.

– Судя по тому, как ты это произнёс, ты её тоже любишь больше жизни.

– И сильно по ней скучаю. Она – единственный человек, кто у меня остался.

– Не хочешь провести?

Дален растерялся. В Торренхолле он был совсем недавно. Неужели снова все дороги ведут в замок?

– Давай, – подбодрил Рион. – А то тут ты уже всех перепугал – хозяин из-за тебя убытки терпит. Так, может, у сестры остынешь. Жаль только, лошадь у меня одна. Придётся тебе на своих двоих. Обещаю, что гнать не буду. Шагом пушу.

– Тогда путь будет долгим.

– А я никуда не тороплюсь. Так идём?

– Погоди. Мясо доесть надо.

Рион улыбнулся.

– Без этого никак. Я за него слишком много заплатил.

– Как звать-то тебя? – спросил Дален, когда один из холодных кусков был жадно проглочен. – И ты уж прости за то, что я... того... тебя... за шею схватил.

– Рион или Нойр, – ответили глухо, – на твой вкус.

Сказанное про шею было проигнорировано.

– Мне больше нравится первое. Второе звучит немного... жутковато.

– Согласен, – кивнул Рион и, когда мяса на тарелке осталось не больше, чем пива в кружках, указал рукой на дверь. – В путь?

Глава 2. Особое мнение

Тёмный лес хорош в солнечный день. Тут и дорога освещается как надо – не оступишься, в канаву не брякнешься и в муравейнике по колено не увязнешь, – и прохлада не даёт мозгам запечься, а ногам – подкоситься от усталости. Но и пахнет кругом сыростью, среди которой лишь временами встречаются островки из нежных фиалок, преображающих серость и гниль вокруг.

Жаль, что любоваться фиолетовыми каплями на зелёном бархате мало кому приходило в голову. Если только влюблённым, забредшим в лес скрытно ото всех предаться ласкам. Путникам же важнее была не красота вокруг, а просвет меж деревьями, когда начиналась дорога через поля и дом был уже совсем близко.

– Правильной хоть дорогой идём? – спросил Рион, когда, как ему показалось, мимо одного из бурых деревьев они проходили уже третий раз.

– В этом лесу заблудиться трудно, – ответил Дален, перешагивая через камень. – Жиденький лес.

– Я б не сказал, – промычал Рион, осматриваясь.

– Нам главное к ночи доползти до Лисьего перевала, а там, считай, Торренхолл на расстоянии вытянутой руки будет.

– До Лисьего перевала?

– Не слышал? Ну да, ты же не из наших краёв.

– Угу.

– У хозяина этих земель, лорда Стернса, на Лисьем перевале охотничий домик. Говорят, лис тут много, а лорд Стернс – заядлый охотник.

– И часто ваш хозяин там бывает?

– Говорят, часто. Но я за ним не присматриваю, чтобы утверждать наверняка.

– Было б интересно с ним там пересечься.

– Я тоже не прочь.

Рион покосился в сторону Далена.

– Тебе, простому рыбаку, зачем хозяин нужен? Тебе бы в порт – там всяко работы больше подвернётся, чем в каменных стенах.

– Я ведь говорил про сестру?

– Говорил.

– Так вот она как привязанная за этим Стернсом ходит.

– Пусть себе ходит. Рано или поздно он это заметит и сам её прогонит.

– В том-то и дело, что он в курсе и не прогоняет. Наоборот, держит около себя и тем самым издевается над девчонкой.

– Бьёт, что ли?

– Жить ей не даёт. Замуж выйти, семьей обзавестись...

– Тебе та семья много ли хорошего дала?

Дален запнулся и выругался. Рион бросил в его сторону косой взгляд.

Они шли и разговаривали уже несколько часов. За это время Дален успел рассказать о своём детстве, размеренной деревенской жизни, рыбацком прошлом и многом другом, чего лишился в одну ночь. Странно, но продолжительная беседа его ничуть не злила, хотя днями ранее, стоило о пережитом лишь вспомнить, глаза наливались кровью и пальцы сжимались в кулаки.

– Запнулся? – съязвил Рион, прекрасно понимая, что ругань не относилась ни к корягам, ни к пням, ни к прочим неожиданностям, о которые путнику легко поранить ногу.

– Твои слова обдумываю, – бросил Дален в ответ.

– И что надумал?

– Я, знаешь ли, мнения менять не привык. Девочка в доме растёт лишь для того, чтобы затем уйти в другой дом.

– Так твоя сестра и ушла. Только имя тому дому – Торренхолл.

Дален поморщился.

– Не перевирай. Ты прекрасно понимаешь, о чём я, но почему-то продолжаешь нести что попало.

– Просто пытаюсь хоть немного понять мотивы твоей сестры. И как вообще так получилось, что девчонка служит лорду? Скольких мужиков она уделала, если ей такое место предложили?

– Тут долгая история...

– А мы с тобой никуда не торопимся. До Торренхолла ещё идти и идти – не в тишине же это делать.

– Ты всё равно не согласишься.

– Тогда я тем более заинтригован.

– Хм... Нет. – Дален резко осёкся. – Не могу. Я и слово дал никому не болтать об этом.

Рион хмыкнул.

– Так уж прям и тайна?

– Твоё право не верить, но я дал слово молчать.

– Ну, молчи тогда. Молчи...

Последнее Рион протянул задумчиво. За время, что они шли, он успел многое узнать о своём попутчике. Этих знаний оказалось достаточно, чтобы, вспомнив рассказ Дагорма на ночной встрече в лесу, теперь свести несколько ниточек воедино.

Не так часто встретишь в лесу рыбака из Ланимора, который, вместо того чтобы вязать сети и днями пропадать в море, валяется пьяный в придорожном трактире и буянит так, что крышу вот-вот снесёт. Не так часто у такого рыбака обнаруживается сестра, ни с того ни с сего прислуживающая самому наследнику престола. И тем более не так часто все трое – рыбак, сестра и сам наследник престола – становятся свидетелями событий, от которых стынет кровь в жилах.

С этими мыслями Рион снова покосился в сторону Далена.

Он бы ни за что в жизни не подумал, что этот простофиля-моряк может быть метким стрелком. Да, его руки, возможно, крепко держали гарпун, отлично разбирали улов и счищали чешую, но поставить стрелу на тетиву им точно было не под силу. Возможно, и силы в тех руках было достаточно, чтобы пригвоздить к кровати жену с любовником и даже целого кита, но не дракона же.

И Рион задумчиво потёр подбородок. Что-то не клеилось.

Вся надежда была только на девчонку. Рион надеялся, что ему удастся разглядеть в ней нечто такое, что привлекло зверя и подарило ей власть над ним. Может, у неё цвет волос в тон его чешуи, или голос сродни змеиному шипению, или она просто красавица, ведь эти твари, как известно из сказок, любят окружать себя богатством и красотой и ненавидят всё блёклое и уродливое. Интересно, а Дагорму удалось вытянуть из той девчонки что-то новое? Она всяко должна быть поговорчивее своего брата.

С тем разговор не шёл ни в какую. Как ни пытался Рион заставить Далена хоть чуточку проговориться о случившемся на острове, ничего не получилось. Каких историй только ни пришлось выслушать, но все они были не по делу и к истории с драконом никакого отношения не имели. Последняя зацепка тоже осталась без внимания: Дален просто вспомнил про данное им слово и мигом замолчал. Что ж, до Торренхолла было ещё много миль, и Рион лелеял мысль о том, что ему всё же удастся разговорить деревенского простака.

– Солнце садится, – произнёс Рион, поглядывая на небо. – Надо бы поискать место для привала.

– Рано, – высказался Дален, тоже окинув взглядом верхушки деревьев. – Ещё с милю можно пройти. Потом и думать будем.

– Потом такого шикарного места может не предвидеться. Глянь-ка, тут и прилечь есть где, и куст с ягодами не обобран, и даже с десяток грибов виднеется. Поищем лучше – найдём больше. Пожарить можно.

– Я бы дотянул до Лисьего перевала. Там можно и на хибару какую наткнуться. Я слышал, люди Стернса живут там круглый год, чтобы всегда всё было готово на случай, если хозяин придет поохотиться.

«Знаю я, на чью берлогу там можно наткнуться, и то будет никак не человек Стернса», – про себя проворчал Рион, но вслух произнёс лишь одно:

– Лучше тут. Я прилично устал.

И скинул на землю походный плащ и торбу, чем окончательно положил конец спору.

Вытянуть ноги удалось уже спустя пару минут. С непривычки они сильно ныли, и Рион, сняв сапоги, принялся растирать ступни. Жизнь при дворе была в разы легче: сиди себе спокойно в кресле, потягивай вино и вари в котле лягушачьи лапки. Слуг много: всё поднесут, уберут, сделают. Самому напрягаться не нужно, тем более ходить подолгу и на большие расстояния.

Сейчас тоже не пришлось бы идти на своих двоих, ведь есть лошадь, но на перекрёстке трёх дорог попался этот несговорчивый рыбак, из которого, как тисками, приходилось вытягивать нужные сведения, и теперь Рион мучился так, что с досады даже сплюнул на землю. Как же дорого обходится любопытство и желание докопаться до истины!

– Тут и сухих веток не найти, – бурчал тем временем Дален. – Низина кругом – только сырые валяются. На Лисьем перевале хвороста навалом. Куда ни ступни – везде треск.

– Дались тебе эти лисы, – лениво протянул Рион и вытащил из торбы флягу. – А дров сейчас поищем. Дай мне только прийти в себя.

На двух жадных глотках Рион не остановился и продолжал пить, пока сладковатая ягодная настойка не потекла тонкой струйкой по шее.

– Будешь? – спросил он, вытерев рот рукавом и протянув флягу Далену. – Сам делал. Одна сплошная польза и всего капля хмеля. Голову не снесёт, не бойся.

– А я и не боюсь, – ответил Дален и выхватил флягу из рук самоуверенного попутчика.

Вкус оказался приятным, не терпким и не чересчур сладким, именно таким, чтобы, глотнув под вечер, расслабиться и забыть о мрачном.

– Теперь можно и по дрова, – воскликнул Рион и поднялся. Выглядел он свежо и бодро.

Вот только Дален от вязкой настойки совсем размяк. Веки стали тяжёлыми, ноги – ватными, глаза почему-то закрывались сами собой, и сердце билось спокойно и размеренно, словно уже готовилось к ровному, спокойному сну.

– Погоди по дрова-то, – заплетающимся языком промямлил он, опустил на землю, прислонился спиной к дереву и выдохнул. – И правда лучше здесь остановиться. До Лисьего перевала я дотяну если только мёртвый.

– Тогда, может, ещё по глотку?

Рион шагнул в сторону рыбака, готового погрузиться в дрему, наклонился, аккуратно подцепил пальцами флягу, которая норовила вот-вот опрокинуться на землю, и закурил её.

Дален вяло отмахнулся.

– Мне уже и пить тяжело. Вздремну немного. Как солнце ниже станет, толкни меня. Помогу тебе дров натаскать и огонь развести. А ещё я могу ободрать кролика и...

– Спи, – тихо проронил Рион и накрыл глаза Далена ладонью.

Один удар сердца – брат Рики ровно задышал, а в лесу воцарилась сонная тишина. Резко перестали заливаться вечерней песнью птицы, прекратили жужжать насекомые, и даже белки не шуршали, перепрыгивая с ветки на ветку, а замерли на одном месте, свесив головы вниз и наблюдая за происходящим.

– А теперь давай поговорим, – сказал Рион. Если бы Дален был в сознании и слышал его, то не узнал бы голос, настолько тот был чужой, хриплый и звучал так, словно доносился из сырой могилы. – Это ведь ты был со Стернсом на Вороньем острове?

– Я, – сквозь сон пробормотал Дален.

– И вместе вы разбудили дракона?

– Мы нашли огромное яйцо. Никто не думал, что из него такая тварь вылупится.

– И кто то яйцо обнаружил? Стернс, ты или стража?

– Я. В тёмной пещере под горой. Оно было с меня ростом и всё обтянуто золотой нитью. Прямо как паутиной.

– Что ещё ты помнишь?

– Стернс велел мне снять нить. Я сделал.

– А потом?

– Скорлупа начала трескаться. И из яйца потекло золото. Горячее.

– Занятно. Что было ещё?

– Только золото. Мы смотрели на него как заколдованные.

– Как зачарованные, – поправили грубо. – Как зачарованные идиоты. Выходит, ты во всём виноват. Не сними ты нить, не раскололось бы яйцо, не вылез бы зверь...

– Я только исполнял приказ. Кто я такой, чтобы идти против Стернса?

– Тот, кто может мыслить более трезво и взвешенно. Впрочем, ты уже доказал, что к тебе эти слова не относятся. А что твоя сестра? Какое отношение она имеет ко всей этой истории?

– Понятия не имею. Но когда она была рядом, дракон не нападал.

– И поэтому она теперь все дни напролёт рядом со Стернсом? Охраняет его от зверя?

– Так и есть. А я не сплю ночами и волнуюсь.

– Можешь спать. Стернс не тронет её. Он не из тех, кто использует деревенских девочек ради плотских утех.

– Насчёт этого я спокоен. Это моя сестра не из тех, кем может заинтересоваться наследник трона. Меня беспокоит другое.

– Что же?

– Что если этот гад перестанет её слушаться, нападёт и сделает ей больно?

– Всё может быть. Драконы – существа предсказуемые, но они так любят золото, что из-за своей любви к нему прослыли самыми продажными тварями на земле. После людей, конечно.

– Если он тронет её хоть пальцем...

– ...когтем, – поправил Рион, задумчиво жуя травинку, сорванную неподалёку. На этот раз его голос звучал уже не по-старчески скрипуче, а обыкновенно.

– Если на её теле появится хоть одна царапина, я сверну ему шею.

– Ты один раз уже убил его.

– Пацан выжил. Значит, я его не добил. Встречу – проткну ещё раз.

– Не сомневаюсь, что проткнешь, – выдохнул Рион, стряхнул с одежды парочку пауков и потёр лоб, словно хотел освободить голову от разных мыслей, оставив лишь нужные. – Ты доволен? – спросил он у самого себя, когда отнял ото лба пальцы. – Или остались вопросы?

Ответом было недовольное урчание, сильное похожее на утробное.

– Согласен. Ничего нового он нам не рассказал. Только зря зелье перевели.

И Рион посмотрел на Далена. Тот продолжал ровно дышать, закрыв глаза и даже не шевелясь.

– Поспи ещё немного. А я скоро вернусь, – бросил в его сторону Рион и скрылся за зарослями дикой малины. Спелая ягода местами опала и начала подгнивать во влажной траве, перемешанной с прелой листвой.

Последний раз Рион бродил по этому лесу двадцать пять лет назад.

Ночное собрание у костра в чаще, когда Рион стал свидетелем страшного рассказа Дагорма, в счёт не шло: в ту ночь, следуя за веретенником, он просто пересёк Хмурое море, выслушал всё, что нужно было, и тут же вернулся в Берлау, к ногам юной королевы, которая не потерпела бы внезапного и долгого отсутствия подданного. Даже заглянуть на болота за лунной травой не успел. Теперь же до болот было далековато, но Рион не вспоминал о них. Он шёл вперёд, огибая деревья, перешагивая через муравейники и выползшие на поверхность земли корни тисов, переплетенные между собой, и думал. Лес не отвлекал Риона лишним шумом; деревья клонились друг к другу так, чтобы ветвями закрыть своего гостя от чрезмерно яркого и горячего солнца, чьи лучи могли сбить с нужной мысли и вызвать на красивом лице столь несвойственное красоте раздражение.

Но двадцать пять лет назад всё было иначе...

Тогда шёл мелкий и колкий дождь, и каждый удар капель по коже был сродни порезу стеклом. Ветер был холодный и мерзкий. Мешал идти, дул прямо в лицо, в какую бы сторону ни поворачивал путник. В ту ночь на небе сверкали две луны – редкое явление, не сулившее ничего хорошего.

Двадцать пять лет назад восшествие двуликой луны связали с рождением второго сына лорда Стернса. Все в округе вспоминали и шептали друг другу на ухо древний стих со страниц книги пророчеств. Леди Стернс, обезумевшая сразу, как только из её рук вырвали новорожденное дитя, кричала, что сожжёт проклятое писание и бросит Дагорма, шептавшего на ухо её мужу и королю, в темницу. Она слов на ветер не бросала и обязательно бы так сделала, если бы внезапно не потеряла сознание и не слегла. В бреду она пролежала несколько недель, а когда отошла, первым, кого увидела у своей постели, был старший сын Гайлард, тогда ещё мальчишка без малого пяти лет от роду, испуганный и взъерошенный.

В те дни Рион долго ходил по лесу. Лазил по оврагам, спал под подпирающими небо дубами и много размышлял. А больше ругал себя за нерешительность. За то, что не настоял на своём. Особому мнению никто не был рад: ни лорд Стернс, ни король, ни прочие мудрецы, советы которых все и всегда чтили. Риона выслушали, но сделали это неохотно. Поступить так, как предложил он, не осмелился никто. Жалел ли кто-либо о содеянном? Вряд ли. Но Риону все последние двадцать пять лет было не по себе: плач младенца, которого скинули со скалы в море, до сих пор звучал в голове по ночам, и неприятные воспоминания глушились лишь крепким вином да изредка едким табаком.

Солнце затерялось среди деревьев, и в и без того тёмном лесу стало ещё темнее. Повернув обратно, к месту привала, Рион шёл быстро, по дороге набрав в руки несколько сухих веток. Такие идеально подойдут для небольшого костра. А на совсем тонкие можно будет нанизать грибы. У тех, что росли неподалёку от дерева, под которым Рион оставил Далена, очень толстые ножки. Отличная закуска, чтобы ночью спать крепко!

До нужного места оставалось несколько ярдов. И то ли Рион ступал тихо, почти кошкой, то ли лес замирал на каждом ворохе опавшей листвы и каждой сухой ветке, которых касались ноги, но любой шорох был на слуху.

Один заставил насторожиться.

И то был даже не шорох и не шум птиц, не поделивших между собой червяка, не возня пришедшего в себя рыбака из Ланимора и не переключка между собой дятлов, а голоса: чужие, грубые, закаленные на ветру и на хмельных напитках.

Тихонько опустив собранный хворост на землю, Рион присел на корточки. Спрятался за богатым на зелень кустом и прислушался. Голоса доносились с места, где он часом ранее оста-

вил Далена. Разобрать слова не составляло труда, однако любопытство превысило всевозможный страх и чувство осторожности, и Рион аккуратно раздвинул ветви кустарника, позволив себе немного понаблюдать за происходящим.

Около спящего Далена стояли трое. Четвёртый склонился над вещами Риона, оставленными под деревом. Обшмонав расстеленный на земле плащ, взялся за торбу. Высыпал содержимое перед собой и начал беспорядочно перерывать.

– Что там? – спросил четвёртого один из троих. Тот самый, который только что проверил карманы у Далена. – Тут совсем пусто. Денег ни гроша.

– Потому что всё в сумке, – довольно протянули в ответ. – Глянь: серебряные монеты, медь, нож... Ещё много всякой дряни. Даже... – Наглец взял в руки крохотный пузырёк и откупорил его. – Фу! Ну и мерзость! Как будто помочился сюда кто... О! А вот эта вещь и правда ценная!

С этими словами четвёртый выхватил из кучи книгу о ящерах и бросил её своим товарищам. От такого пренебрежительного отношения к тому, что считалось настоящим сокровищем, Риона передёрнуло.

Поймавший книгу поделщик взвесил томик в руке.

– Не простачок, раз такое с собой носит. Глянь, какие камни. Толкнём Крысу – получим десять монет золотом. Что там ещё есть столь же дорогое?

– Полупустая фляга. Берём?

– Оставь. Пусть простофиля из неё долакает, когда проснётся.

Все четверо зашлись противным смешком.

Веселились они недолго; со стороны поваленного дерева вышел странный человек, одетый во всё чёрное и с глубоким, но старым, шрамом в пол-лица. Завидев его, вся шайка сразу притихла, а самый высокий и крепко сложенный из четвёрки шагнул навстречу незнакомцу и показал находки.

– Он хоть не мёртв? – спросил человек в чёрном, кивком указав на Далена.

– Спит, – отозвались в ответ.

– Странно. Вы так орёте, что дикий зверь забоится подползти, а этот спит.

– Вина перепил, вот и отрубился, – предположил тот, кто ранее рылся у Далена в карманах. – У брата моей жены так же. Стоит хряпнуть крепенькой, как доползти до койки не успевает. Сразу падает. Так и валяется то на полу, то в сене, и храпит, пока не протрезвеет.

– У тебя нет жены, – отрезал одетый в чёрное.

Захваченный врасплох на лжи воришка стушевался.

– Ну, я видел подобное...

– Кто он такой, и что нашли при нём? – перебил врунишку незнакомец.

– Из ценного лишь книга да это, – ответил высокий и разжал ладонь. Кроме бородавок на ней блестело несколько монет. – Всё остальное – сплошная дрянь.

– Плащ ещё хорош, – подал голос его товарищ. – И про лошадь не забудь. Лошадь везде можно за приличные деньги пристроить.

– Плащ? – переспросил человек со шрамом и странно нахмурился. – Покажи-ка.

Обмолвившийся про лошадь разбойник и рад был услужить: цапнул скорее плащ Риона с земли, потряхнул им, очищая от живности и травы, и протянул главарю.

– Подкладка тут тёплая, – с умным видом добавил он. – Зимой не замёрзнешь.

Руки, затянутые в перчатки, такие же чёрные и пыльные, как и вся остальная одежда, принялись ощупывать плотную ткань дюйм за дюймом. Вся четвёрка молча за этим наблюдала.

– Что встали? – рыкнул главарь. – Проверьте везде ещё раз. Может, упустили что важное.

Внезапно он замолчал. Напрягся, как напрягается тетива у лука перед выстрелом, подозрительно прищурился, провёл пальцами по складке плаща и вытащил сложенные в несколько раз бумаги.

Лесные воришки вытянули шеи.

– Что там? – заволновался один.

– Бумаги. Не видишь, что ли? – шепнули ему.

– Надо, чтобы их Липкий глянул, – вставил третий и обратился к человеку в чёрном: – Дайте их Липкому, босс. Он сможет растолковать, что там. Не зря же батрачил три года полотёром у писаря в Порте.

– А ну прочь! – рявкнул главный и вытянул руку вперёд, останавливая банду и тем более Липкого. Последнего не зря так прозвали. Его пальцы действительно были вечно липкими, как бы часто и тщательно он их ни мыл. Даже сейчас он вроде как ничего не касался, но каким-то образом умудрился изляпать воротник куртки Далена чем-то сладким, по запаху напоминающим протёртую землянику. – Не вашего ума дело!

Четвёрка повиновалась: человека в чёрном они боялись больше голода, огня и смерти и спорить с ним не решились бы даже, поднеси кто меч к их шеям.

Пока верные псы, поникнув, продолжали копаться в вещах Риона, их главарь перекинул плащ через руку и отошёл к кустам, за которыми прятался Рион, где и развернул найденные бумаги.

То было послание королевы Ирис Гайларду Стернсу, составленное с подобающим величием и уважением, без толики робости и преклонения, чёткое и исключительно по делу, какие Рион составлял не раз для покойной Морвенны.

Скользнув хищным взглядом по написанному, человек в чёрном довольно хмыкнул. Он стоял так близко от Риона, что тот видел каждую чёрточку его лица. Те были грубыми, познавшими холод, жару и острую сталь, неприветливыми и настолько неприятными, что Рион брезгливо скривился. Возможно, и отплевался бы от кислого привкуса во рту, появившегося от одного только взгляда на уродливую рожу, но не стал этого делать. Поплевать можно будет позже, когда останется один. Сейчас же одно неверное движение – к горлу тут же приставят перепачканный в крови нож.

– Эй, там. – Человек в чёрном обернулся к своим шакалам. – Живо приберите всё. Сложите все вещи туда, откуда взяли. И что по карманам себе рассовали – тоже. Да-да, тебе говорю, – крикнул он в сторону одного из воришек.

– Так я только это... орехами поживился.

От говорившего несло редькой, его левая рука была перемотана серой тряпицей чуть выше локтя, а правый глаз дёргался всякий раз, когда ему что-то не нравилось.

– А в башмак что сунул? Медяки? Снимай и вытаскивай.

В перебранку вклинился Липкий.

– Ты с дуба рухнул? С каких пор мы позволяли простофилям вроде этого целым уходить?

– Я сейчас тебе потявкаю.

В руке главаря блеснуло лезвие. По спине Риона побежал холодок.

Однако разборке не суждено было продолжиться. Все четверо сразу струхнули, побледнев. С человеком со шрамом никто не решался связываться, однако Липкий всё же не выдержал и проворчал:

– Хоть бы объяснил, с чего вдруг такая щедрость...

– Он тот, кто нам нужен, – внезапно ответил главарь. – Тот, кого мы поджидали на повороте.

Стоявший рядом с Липким разбойник не сдержался и выругался.

– Мы его день пасли! С какого перепуга он этой дорогой пошёл?

– Может, почуял неладное? – предположил подельник, пахнувший редькой.

– Значит, не так прост тип, как мы думали, – протянул ещё один.

– Вот же скотина, – процедил Липкий и посмотрел на главаря: – Ты же говорил, его надо огреть и обокрасть...

– Верно, – кивнул тот. – Но только, если бы он был в сознании. А раз лежит и даже не шевелится, то пусть ничего и не подозревает. Всё равно сделает всё так, как нам нужно, так обойдёмся же без мордобоя.

Сказав это, человек в чёрном незаметно ото всех сунул письмо, которое читал, себе в рукав и вытащил из глубин своих одежд другое, внешне сильно похожее на первое, написанное на такого же цвета бумаге и с такими же печатями. Вложив его в карман плаща Риона, подошёл к компании разбойников, недовольно пихающих обратно в торбу всё, чему только недавно стали хозяевами, и бросил плащ Липкому.

– Расстели, как было. И уходим отсюда.

– Но как же так? – заскулил Липкий. – Совсем без трофеев уйдём?

– Совсем, – отрезал главный. – Поторопитесь. Нужно успеть скрыться до того, как он продерёт глаза.

Побитые одним лишь словом вместо палок разбойники уныло поволоклись за хозяином. Когда они скрылись, и с деревьев на землю спустились пугливые птицы нарыть червяков перед снов, Рион вылез из своего убежища и выпрямился. Потянулся, хрустнул позвонками и приблизился к вещам. Поводил рукой по плащу, нашёл потайной карман, вытащил подложенное письмо, осмотрел со всех сторон, но вскрывать печати и читать не стал, вернул обратно. А затем долго сидел, задумавшись и даже позабыв о костре, жевал травинку, смотрел куда-то вдаль, где чернел лес, и морщил лоб.

Утро встретило Далена соловьиной трелью.

Открыв глаза, он зевнул, тряхнул затёкшей рукой, сел, поводил головой и непонятливо заморгал. Солнце стояло уже высоко, но в тени низких, раскидистых деревьев спалось крепко.

Вчерашнего знакомого рядом не было. Не отозвался он и на крик. Зато все его вещи находились рядом, включая плащ и торбу, из которой выглядывала толстая книга в богатом переплёте.

Чем закончился вчерашний день, Дален не помнил. Но ночным костром и в помине не пахло; по всей видимости его так и не разожги. Если так, то удивительно, что он не замёрз и ни один хищный зверь к нему не подкрался. Или это только ему так повезло, а попутчика разорвали на части и сожрали?

В животе заурчало. Дален сглотнул. Мысль о том, что пока он спал, с Рионом что-то произошло, внезапно для самого Далена уступила место животному желанию поесть. Да и кто знает, может, с тем напыщенным чужаком, прибывшим из других земель и выдававшим себя за опытного лекаря, ничего страшного и не случилось: просто заблудился и к месту привала не вышел. С кем не бывает, если с местностью не знаком.

Есть захотелось сильнее. Дален осмотрелся. Вокруг росли только грибы, большинство из них были почему-то вытоптаны. Будто целый табун лошадей пронёсся здесь ночью и ничем не побрезговал.

Ещё раз зевнув и потеряв пальцами помятое лицо, Дален встал на ноги. Перекусив ягодами и «выжившими» грибами, побродил с час вокруг, но кроме родника, чья прохладная вода взбодрила как следует, ничего и никого не нашёл. Пришлось перекинуть через плечо холщовую сумку Риона, скрутить валиком его плащ и, запрыгнув на его же лошадь, продолжить путь туда, где застряла упрямая сестра. А там, глядишь, пересекутся ещё пути с новым знакомым, и Дален вернёт потерянное. Решив так, Дален прищипорил лошадь и двинулся в сторону Лисьего перевала, за которым почти сразу начинался величественный Торренхолл.

Когда топот копыт стих, к вытоптанной полянке из чащи вышел Рион. Поковыряв носом сапога переворошенную землю, заметил валявшуюся неподалёку несъеденную ягоду, поднял её и сунул в рот. Довольный, распрямил плечи, опустил на поваленное дерево и многозначительно усмехнулся.

– Мы точно всё делаем правильно? – задал Рион вопрос в пустоту.

– Несомненно, – отвечали ему надтреснутым голосом. – Ты же сам всё видел и слышал. Письмо к Гайларду Стернсу было целью этих пустоголовых. И несмотря на то что ты пошёл не той дорогой, которой тебя поджидали, они всё же достигли своей цели. Я сто раз говорил, что неизбежного не миновать. Оно повернёт за тобой влево, а ты убежишь вправо, но всё равно рано или поздно вы встретитесь, пусть и на другом краю земли. Раз их письмо должно достичь Торренхолла, оно его достигнет тем или иным способом. Не через тебя – так через этого паренька. Не через него – так через любого другого человечешку.

Рион фыркнул.

– Эта деревенщина даже не знает, что в плаще что-то есть.

– Если письму задумано быть прочитанным, оно будет найдено и прочитано.

– Если бы не знал тебя и твои хитрые уловки, поспорил бы.

– Вот и молодец, что не споришь. Другим бы твою мудрость... А теперь поднимайся и пошли. Не стоит упускать того рыбака из виду. Он не так прост, как на первый взгляд кажется, и даже ты это уже понял...

Глава 3. Ароматами горьких трав

В душной спальне горели две свечи.

Мириан никак не решалась их потушить, как и открыть окно, чтобы позволить свежему воздуху хоть немного потеснить духоту. Сон не шёл, хотелось пить, но Мириан боялась пошевелиться. Она была уверена: одно движение – его рука соскользнёт с её груди, сам он проснётся, встанет, оденется и уйдёт, придумав какую-нибудь отговорку в духе непрочитанных посланий, и тогда Мириан в который раз придётся встречать утро в обнимку с прохладным покрывалом. Мысль об этом доводила до тошноты в горле.

Впервые Гайлард Стернс уснул на постели рядом с женой. Впервые за все те дни, что он и Мириан оставались наедине. Чувствуя его горячее тело, вдыхая лёгкий аромат можжевельника, шедший от его одежды, оставшейся на полу, и густых волос, Мириан любовалась каждой черточкой его лица, при этом не смея даже дышать. Так ведут себя ловцы птиц, готовящиеся вот-вот поймать в сети яркую на оперение птаху. Или поэты, что, наслаждаясь залиистой трелью, слагают в голове новый стих. Поэзию Мириан понимала плохо, до ловли птиц была тем более равнодушна, но тем не менее вела себя и как поэт, и как ловец, страшая ненароком спугнуть ровный сон мужа.

Этой ночью Мириан было впервые хорошо. Гай был нежен и страстен с ней, и впервые леди Стернс ощутила, какой бывает та самая любовь, о которой ходящие в горничных девки вздыхают, пряча взгляд и с краской на щеках. В какое-то мгновение Мириан даже испугалась напора мужа, захотела его остановить, но не осмелилась и ничуть не пожалела: тепло, разлившееся по её телу, и горячее дыхание, обдавшее её лицо, были невероятно приятны, и Мириан сладко стонала и от наслаждения закусывала губу. И хоть она не видела глаз мужа, она чувствовала, как блуждали его сильные руки по её точёному телу, а тёплые, влажные губы трепетно касались её бёдер, живота, шеи, отдавая им всю свою любовь и ласку. Минута за минутой, не спеша, овладевая нежно, смакуя каждый поцелуй и дразня ровно настолько, чтобы Мириан сама захотела отдать себя всю без остатка, Гай раскрывал её для себя полностью, поощряя делать то, за что ещё вчера Мириан стало бы стыдно.

Одна из свечей зашипела, и фитилёк погас, утонув в расплавленном воске. В огромной тёмной спальне стало ещё темнее.

Мириан темноты не боялась – она уже привыкла к чёрным южным ночам, – но от лишнего света не отказалась бы. Так хотелось смотреть и смотреть на спящего рядом мужа, на его подрагивающие ресницы, густые брови, лоб, тронутый пока ещё неглубокими морщинами, красивые, бледные губы... Последние едва заметно дрогнули, когда Мириан нежно провела по ним пальчиком, и сквозь крепкий сон, на выдохе, со всей той нежностью и непередаваемой страстью, которую Мириан довелось познать этой ночью, Гай произнёс всего одно слово...

Мириан медленно отвела руку и закрыла глаза. Пролежав так с минуту, отодвинула в сторону покрывало, тихонько поднялась с кровати, прошла к столику и задумала последнюю горевшую свечу. Вернулась обратно в постель и легла рядом с мужем. В темноте она больше не видела его лица, но слышала ровное биение его сердца.

Приглушив роящиеся в голове вопросы рутинными мыслями, Мириан попыталась уснуть. Сделать это было трудно: вопросы упорно настаивали на своём существовании, но постепенно усталость одержала верх, и Мириан заснула...

Утро выдалось бодрым. Иначе как назвать целый ушат колодезной воды, в которой вроде как моешь голову, а вода попадает не только на засаленные пряди волос, но и за шиворот, на

локоть и даже в подмышки? Так и стоишь, дрожишь от холода, и сон проходит сам собой, и глаза открываются, становясь нараспашку, как у перепуганного зверька.

У Рики те глаза открылись на первом же черпаке. Ледяные струйки, змейками побежавшие по шее и спине, даже заставили громко фыркать, однако согреться это не помогло. Пришлось терпеть и продолжать лить, смывая с тела и головы накопившуюся за несколько дней грязь и заодно надеясь на чашку тёплого ромашкового отвара на завтрак, когда мучения закончатся. Глядишь, впридачу к чашке чая ещё что-то перепадёт. Кусок сыра, например. И Рики облизнулась.

После возвращения из Папоротниковой впадины прошло больше недели, и с каждым днём Рики чувствовала себя всё более ненужной и опустошённой. Если у Рея Альгервильда Гайлард Стернс был в гостях, то теперь он вернулся домой, и, как всякого добропорядочного хозяина, дома его ждало много дел и красавица-жена. Для Рики в тех делах места не было, и первое время, мучась от безделья, она слонялась либо во дворе, либо в комнатах неподалёку от кабинета. Её не замечали, её мнения не спрашивали и даже часто обходили стороной, словно каменную статую. Вечера тоже стали скучны: беседы, к которым Рики привыкла до свадьбы лорда Стернса и в то время, пока они ездили к старику Рею, резко прекратились. Всё свободное время Стернс посвящал жене, а Рики оставалось лишь сидеть в тускло освещённой комнате и грызть орехи. Правда, грызть пришлось не в одиночестве.

Одиночество нарушал Сэм. Появляясь из ниоткуда, но ровно в тот самый момент, когда в комнате кроме Рики никого не было, он забалтывал девушку, как мог, и вместе они пытались найти ответы на вопросы, коих было без конца и края.

Правда, ничего толкового из этой затеи не вышло. Изю дня в день пережёвывая одни и те же факты, Рики и Сэм зашли в тупик, и дальше оставалось только недоуменно разводять руками. Никаких тайн раскрыто не было, и обоим было невдомек, в каком направлении рыть дальше.

Могла ли ледяная вода сейчас подсказать? Могла ли она освежить мысли, распутать их и задать новое направление? Могла, наверно, и свершению чуда Рики была бы рада, однако главной причиной, по которой она сейчас дрожала осиновым листом, было не спасение Сэма, а элементарное желание вернуть своему телу запах свежести, и Рики была уже у цели, пока вдруг не насупила брови и не повела носом.

Нюх обострился и из кучи пёстрых запахов – от сырой земли до свежих опилок – чётко обозначил незнакомый горьковатый аромат. Так пахнут некоторые травы на лугу, стоит сорвать их и растереть стебельки подушечками пальцев. Так пахла и травяная настойка в крохотном бутылке, которой с Рики поделилась одна из горничных леди Мириан. Прикрыв ладонью рот, девчушка шепнула, что травяным отваром с ней поделилась сама госпожа. Сказала нанести пару капель, и волосы станут шелковистее и заблестят так, что впору будет зажмуриться. Что ж, этим утром Рики решила попробовать, а то пряди, хоть и короткие, спутались уже сильно. Проще было их обрезать, чем копаться в узелках.

Последний черпак был вылит на голову, и Рики схватилась руками за края ушата. Воды в нём было уже на дне – черпаком нехватишь, только лить на себя. Выдохнув, Рики занесла ушат над головой, зажмурила глаза и приготовилась. Но прежде чем оказаться под ледяным дождем, услышала:

– Эй! Тебя же Рики звать, да? Тебя там требуют! Срочно!

Рики с трудом разлепила посиневшие губы.

– Сейчас... Ещё пару минут... Передай, пожалуйста, лорду Стернсу, что я скоро буду. Пусть подождёт.

В ответ презрительно фыркнули:

– Вот же нахалка! Радуйся, что тебя не лорд Стернс требует, не то за такие слова он велел бы тебя выпороть!

Рики так и замерла на месте с ушатом над головой.

– Не лорд Стернс? А кто же?

– Леди Мириан. Госпожа только что проснулась и тут же за тобой послала. Тоже мне, важная птица...

И Рики вновь услышала презрительное фырканье в свой адрес.

Окатив себя остатками ледяной воды, Рики нащупала лежавшую неподалёку тряпицу. Та была стащена с кухни вместо полотенца и не была ни пушистой, ни просто мягкой. Ей Рики и протёрла лицо и перевела дыхание.

Зачем за ней позвала леди Стернс, Рики не знала. И, конечно, не понимала, как вести себя рядом с хозяйкой, что говорить, на каких моментах смеяться, а на каких – куситься.

Оставив ромашковый чай стыть на столе, Рики побежала вверх. Леди Мириан ждала её не на своей половине, а в спальне. Той самой комнате из немногих, что предназначалась только для хозяина и хозяйки замка и куда Рики вряд ли когда-нибудь заглянула бы.

Леди Стернс была не одна. Тиа, горничная, что чуть ли ни в первый день была приставлена к принцессе из Ллевингора, аккуратно расчесывала ей волосы. Те были длинные, блестящие, чуть выющиеся и пахли ровно так же, как травяной отвар, которым Рики получасом ранее ополоснула себе голову. Но если, вдыхая аромат, идущий от волос леди Мириан, перед глазами проносились широкие луга, утопающие в голубом колокольчике и бело-розовом клевере, то, стоя рядом с Рики, вспомнишь разве что о пожухшей крапиве.

Рики минут пять топталась в дверях, прежде чем её заметили. Стояла бы ещё дольше, если бы Тиа не отвлеклась от причёски госпожи и не обернулась, чтобы дотянуться до шкапулки с заколками: то украшение, которое изначально планировали вдеть в волосы, оказалось слишком тяжёлым.

Завидев Рики в дверях, Тиа вздрогнула и ойкнула. На шум обернулась и Мириан. Поманила к себе и указала на кресло рядом. Рики покорно присела на краешек и робко покосилась по сторонам, осматриваясь.

Спальня была просторной, достаточно светлой, чтобы не жечь лишние свечи, и достаточно тёмной, чтобы хозяева могли хорошо отдохнуть, не раздражаясь на любопытное солнце. Однако Рики комната всё равно показалась неуютной. И никакие украшения, вплоть до богатых на краски гобеленов, ковров, напольных ваз, золоченых подсвечников и воздушных покрывал, не могли то впечатление изменить. Здесь не возникало желание засыпать и подолгу утром нежиться в кровати, и Рики была уверена, доведись ей невзначай прилечь тут, она подорвалась бы уже через пару минут. Уж лучше вздремнуть на сене под открытым небом, чем в шелках и роскоши, пропитанной тоской и унынием.

Однако леди Стернс так не считала. Это было понятно по выражению её лица: оно светилось счастьем, и оттого Мириан казалась ещё красивее.

Когда с причёской было закончено, Мириан бережно провела рукой по волосам, будто поправляла заметный только ей изъян в укладке, и наконец перевела внимание на Рики, которая вся извелась, сидя в мягком кресле, настолько пребывание в спальне господ было ей не к сердцу.

– Ты ела? – внезапно спросила хозяйка и кивнула в сторону горничной, намекая, что той пора удалиться.

Рики на мгновение впала в ступор. Такого вопроса она никак не ожидала. Судорожно сглотнув, выдавила с трудом:

– Не успела.

– Я так и поняла, – улыбнулась Мириан. – У тебя взгляд голодного щенка. Я распорядилась принести завтрак сюда, и мне как обычно принесут слишком много. Присоединишься?

Рики удивилась во второй раз.

– Я... мне... – забормотала она неуверенно.

– Что такое?

– Я лучше у себя... там... внизу...

– То, что едят слуги, вкуснее?

Рики вспыхнула.

– Что вы, миледи! Как можно!

– Тогда в чём причина? Ты мне симпатична, я хочу тебя угостить и никак не могу понять, почему ты упираешься. Ты разве не из тех, кто привык делить трапезу с хозяевами? Я слышала, мой супруг тебя часто балует и даже отдаёт тебе со своего стола лучшее. Это правда?

Рики почувствовала себя мышкой, загнанной в мышеловку.

– Лорд Стернс и правда бы много раз ко мне добр.

– Просто так или за какие-то особенные заслуги?

Ловушка норвила вот-вот захлопнуться, и Рики лихорадочно соображала, где же выход. Вскочив с кресла, она на всякий случай низко поклонилась и выпалила:

– Я исправно служу милорду, леди Стернс. Возможно, таким широким жестом он хотел показать мне своё расположение. Но я больше не буду! Я больше ни разу не возьму ничего, что он мне предложит!

Мириан помахала рукой, будто хотела развеять слова Рики по ветру.

– Нет-нет, я не против. Это даже мило. В Ллевингоре мне рассказывали, что мой муж со всеми холоден и до всех равнодушен. Я же, приехав сюда, увидела совсем другого человека. Не могут же мои глаза меня обманывать.

– Не обманывают! – страстно воскликнула Рики, даже не подмечая, как легко купилась на кусочек ароматного сыра. – Милорд – прекрасный человек. Вы в этом ещё не раз убедитесь. Я долго могу говорить, какой он чудесный, но слова – это всего лишь слова. Лучше вам самой это почувствовать, если... – Рики запнулась, осознав, что разошлась не на шутку.

– Если что?

– Если до сих пор этого не poznали, – почти шёпотом закончила девушка.

Улыбка исчезла с губ Мириан. Образ доброй и мягкой нравом женщины сменился на другой. Теперь перед Рики сидела не просто хозяйка Торренхолла, а истинная королева: неподкупная, величественная, независимая и спокойная. Ни одна весть не смогла бы вывести её из себя, будь то даже вопли народа, гибнущего в огне под стенами замка. Ни один хитрый советник не смог бы провести её вокруг пальца. И уже тем более ни одна деревенская девчушка не смогла бы продержаться закрытой книгой дольше, чем предназначено времени для того, чтобы выпить чашку ромашкового чая, прежде чем он остынет.

– А вот и завтрак, – внезапно проронила Мириан, и стеклянный взгляд уступил место радушной улыбке.

Позволив прислуге поставить широкий поднос на стол, леди Стернс взяла в руки пузатую чашку и протянула её Рики. В нос ударил сладковатый аромат трав.

– Ну же, – подбадривала Мириан. – Пей. И не стесняйся, бери всё, на что глаза смотрят. Мириан обвела рукой поднос.

Смотреть было на что. Даже лорд Стернс не делился с Рики таким количеством сладостей и сытных закусок. От одних только пышных булочек, пахнущих карамелью, в животе сразу заурчало. А ещё ведь был яблочный пирог, грушевый пудинг, нарезанный квадратиками сыр, целая чашка оливок, перемешанных в масле со специями, свернутая спиралью ветчина и гроздь крупного, тёмного винограда, из-под которого выглядывали персики, бархатистые кожурой, и сочные, спелые сливы.

– Я... только чай, – выдала Рики и отвела взгляд. Сделала глоток из чашки и повернула голову в сторону стены, стараясь отвлечься на вышивки, каждая из которых рассказывала свою уникальную историю.

Леди Стернс покачала головой.

– Вот упрямица. Я же неспроста предлагаю тебе поесть. До обеда ещё долго, да и ты, вероятно, только к ужину вернёшься. И что же, будешь бегать весь день без крошки хлеба во рту? Если так, то сляжешь раньше, чем мой муж досчитает до десяти.

Рики посмотрела на хозяйку.

– Вы хотите меня куда-то отослать?

– А почему, ты думаешь, я позвала тебя?

– Не знаю. Может, спросить про лорда Стернса, или у вас ко мне какое-то поручение?

– Поручения никакого нет, но я подумала, что тебе будет полезно повидать брата. – На этих словах Мириан поднесла руку к вискам и болезненно поморщилась, затем облегчённо выдохнула, словно неприятные ощущения отступили, и виноватым тоном пояснила: – У меня как-то совсем вылетело из головы... А ведь собиралась сказать тебе сразу, как только ты вернулась.

– Вы хотите отравить меня в деревню? – с замиранием сердца спросила Рики.

Мириан посмотрела на неё с недоумением.

– В деревню? Хм, последний раз я видела твоего брата на городской стене у центральных ворот. О том, что вы родственники, мне сказал капитан Швидоу. Сама бы я не догадалась. Вы такие... разные.

– Да-да, миледи, мы разные, – взхлёб тараторила Рики. Что ж, в том была своя правда, и Рики и правда во многом отличалась от Далена, но не вдаваться же в объяснения перед госпожой, что основная разница в их характерах заключалась в том, что Дален любил оседлую жизнь и домашнюю скуку, а Рики её терпеть не могла. – Но он, наверно, давно ушёл со стены. Зачем ему там застревать-то? Он вообще должен был отправиться домой сразу, как только мы вернулись в Торренхолл.

Мириан напрягла память.

– Мы? Ты про поездку лорда Стернса перед свадьбой?

– Про неё самую.

– И в той поездке ты и твой брат сопровождали моего мужа?

– Да, – сглотнула Рики и снова начала ощущать себя пойманной в клетку.

Мириан щёлкнула костяшками пальцев, надломил кусочек хлеба, обмакнула его в розовое масло, поднесла ко рту и, медленно прожевав, проглотила.

– Странно, – сказала она. – Впервые в жизни вижу, чтобы девчонка и деревенский парень сопровождали лорда в поездке. Обычно эта роль отводится страже и советникам, но причём тут вы?

И Мириан пытливо посмотрела на Рики.

Та была готова провалиться сквозь землю. Плотно сомкнула губы, чтобы ни одно случайно вылетевшее слово не стало зацепкой к новому витку мыслей, и так и стояла каменным истуканом, моргала, краснела и бледнела одновременно. На помощь пришла леди Стернс. Улыбнувшись в который раз за утро, она долила себе в чашку чая и решительно вымолвила:

– Впрочем, тебе ли знать. Лучше я попытаю мужа. Кто, как не он, знает причины всех его поступков. Ты ещё здесь?

Рики с трудом разлепила губы.

– Д-да, – заикаясь, произнесла она.

– Вот же дурашка, – развеселилась Мириан. – Стоишь тут, когда надо бежать к брату и как можно скорее. Когда я видела его в последний раз, он был ещё плох. Не знаю, стало ли ему лучше, но будем надеяться, что лекарства помогли. Должны были помочь. Те травы, которые я для него оставила, всегда хорошо справлялись.

– Моему брату плохо?

– Если бы за тобой не водилась такая скверная привычка, как перебивать своих хозяев, ты бы ещё несколько минут назад знала всё о своём брате. Но муж и бестактность тебе прощает, значит, пытаться менять в тебе эту черту бесполезно.

Однако Рики попускала мимо ушей всё, о чём вслух размышляла Мириан.

– Погодите... Мой брат болен? Что с ним? Где он? Вы говорили, что видели его у капитана Швидоу. Он ещё там?

Спокойствию Мириан можно было позавидовать.

– Я уже сказала тебе, что навещала его на городской стене. С ним что-то произошло, и он долго был без сознания, а капитан Швидоу выхаживал его. Что с ним сейчас, я не знаю. Но ты можешь сбегать к воротам и поговорить с капитаном. Возможно, твой брат ещё там. Так что поторопись. Я тебя отпускаю.

Рики разволновалась не на шутку. Стало совсем не до чая и не до манящих сладостей, щекочущих нос дразнящими ароматами. Все мысли были только о Далене, а ещё о том, где бы сейчас мог находиться лорд Стернс... Ответов на последний вопрос была масса, учитывая сколь огромен был Торренхолл. Но копаться в том ворохе Рики не собиралась – главная подсказка была перед глазами, ведь кто если не жена может знать, где находится её муж. И, окончательно отбросив все приличия, о существовании которых она и так мало что знала, волнуясь и коверкая слова, теребя пояс и чуть ли ни подпрыгивая на месте, Рики выпалила:

– А где лорд Стернс?

Мириан снова удивилась. Но как ни странно простила девушке её невоспитанность. Возможно, из-за того, что это была их первая столь длительная беседа, к которой никто не успел толком подготовиться. Возможно, из-за тяжёлого состояния брата. А, возможно, у Мириан была на то своя причина, которую она пока решила не разглашать.

– Зачем он тебе?

– Как зачем? Мне ж надо того... сказать ему, что мне надо того... к брату.

– Я ведь тебя отпустила...

– Всё равно надо милорда предупредить. Чтоб не терял. Чтоб, если чего, рассчитывал только на самого себя.

– Если чего? – эхом вторила Мириан.

– Долго объяснять, миледи, – виляла Рики. – Так вы не подскажете, где он?

– На северной стороне, – задумчиво ответила леди Стернс и тут же пояснила: – На стрельбище. А ты...

– Спасибо, миледи! – Рики столь задорно поклонилась в пояс, что светлые прядки её волос коснулись колен. – Так я побегу? Ещё раз благодарю вас!

– Эй! – окрикнула девчонку Мириан. – Пстой же!

Но её слова остались без внимания. На подобное поведение леди Стернс недовольно покачала головой. Будь эта вихрастая девчушка младшей сестрой Гая, Мириан точно нашла бы к ней ключик, сумела бы сделать из гадкого утёнка прекрасного лебедя, окружила бы Рики теплом и заботой, но, как и, главное, зачем заниматься перевоспитанием прислуги, Мириан не могла сообразить. Случись подобное дома, брат немедля избавился бы от неотесанной грубиянки. Что она делает, непонятно: комнат не убирает, еду не готовит, птицу не кормит, даже двор не чистит. Слоняется себе без дела по коридорам замка и вечно крутится около лорда Стернса. Никак не похожа на служанку! Зато отлично смахивает на карманного воришку, поджидающего удобный случай, чтобы залезть ловкими пальцами в кошелек господина.

Рики воришкой не была: Мириан улучила случай и проверила её вещи. Проверка оказалась пустой. Из тех вещей была лишь одежда, да и та – вся на Рики. Был ещё нож, но тоже всегда болтался на поясе, и верёвочка с дешевым нефритом на запястье. И Мириан могла поклясться, что до свадьбы той верёвочки она у Рики не видела.

Отодвинув от себя поднос с едой, леди Стернс встала и вышла в коридор. До стрельбища дойти можно было быстро – ещё быстрее добежать, но не в правилах леди бегать по замку. Да и цель у Мириан была другая: она не собиралась врываться между мужем и его служанкой и выяснять смысл нахождения последней при дворе, не собиралась она и с кем-либо разговаривать или отдавать распоряжения. Всё, что ей было нужно, – это немного тишины и толстенная колонна, за которой удобно будет скрыться от чужого взгляда и внимательно понаблюдать.

Ничего не предвещало удачного дня.

Утром разбудил шум. Кому понадобилось греметь под окнами хозяйской спальни, узнать не получилось: когда Гай встал с постели и отодвинул в сторону штору, на улице уже никого не было. Только собака лежала в тени стены и делала вид что дремлет.

Затем завтрак показался безвкусным. То ли нарезанный тонкими ломтями окорок на жаре скис, то ли хлеб излишне залили сыром, но привкус кислоты во рту не проходил уже несколько часов.

Теперь ещё и стрелы не летели. Точнее, летели, но не туда, куда Гаю было нужно. С каждым новым выстрелом получалось всё хуже; когда очередная стрела со свистом пронеслась мимо мишени и шлепнулась в полное воды корыто, Гай плюнул и махнул рукой.

Вертевшийся рядом Эларан зашептал:

– Давайте ещё раз, милорд. Вы ветер не учли. Он, собака этакая, гуляет сегодня туда-сюда.

– Знаю. – Гай процедил сквозь зубы.

– Давайте ещё одну поставим. В этот раз точно в яблочко!

В ответ мальчишка Стенден получил полный гнева взгляд. Сразу заныло и зачесалось ниже поясницы, где кожа ещё не забыла полчище крапивных жал. Потерев больное место, Эларан поправил колчан со стрелами за спиной и собрался уже идти на другой конец стрельбища, чтобы собрать упавшие, как вдруг был остановлен лордом Стернсом.

– Доставай ещё одну.

Зад мгновенно перестал ныть. Ловкие пальцы пробежали по жёстким перышкам за спиной. Нужно было выбрать самую лучшую, самую гладкую, чтобы рассекала воздух, как корабль – морскую гладь, и застревала ровно посередине мишени, даже если стрелок не слишком меток. Пальцы нашли такую и приготовились вытащить и предъявить хозяину, как фокусник предъявляет ребятишкам белого кролика, выуживая того из чёрной шляпы, но тихий свист прервал эффектное появление королевы всех стрел, и Эларан испуганно заозирался.

Свистели из-за куста.

Прищурившись, Эларан всмотрелся в богатые на листву ветви и увидел знакомый вихор. Довольно хмыкнул и, не сводя взгляда с осматривающего древко лука Стернса, отпрыгнул в сторону.

– Чего надо? – шёпотом спросил он.

– А ты чего улыбишься? – таким же шёпотом ответили ему.

– Так ты только за этим звала?

– Нет, конечно, болван.

– Ты сейчас обозвала болваном оруженосца самого наследника трона!

– Да будь ты хоть самым наследником трона, после той истории со штанами навсегда останешься для меня болваном.

– Так. Чего звала?

– Лорд Стернс в настроении?

– А разве он когда-нибудь был в том самом настроении?

– Не мели чушь. Уж я-то знаю!

– А раз знаешь, то чего спрашиваешь? Лично я в настроении его никогда не видел. Откуда мне знать, какое у него в эти моменты лицо?

– Какое-какое... Красивое!

Эларан почесал затылок.

– Я всё слышу! – Донёсся до куста голос Гая. – Ты, который оруженосец самого наследника трона! Ты мне стрелу через год только принесёшь?

– Бегу, милорд! – подорвался Эларан и пригрозил кулаком покачивающимся веткам. – Чтоб тебя... Второй раз уже подставляешь!

Нужная стрела была выдернута из колчана мгновенно. Удар сердца – она легла на древко. Натянулась тетива.

– И ты, – продолжал громко говорить Гай, целясь в мишень. – Вылезай оттуда, пока штаны не порвала. Запасные швеям шить надо, а у них и так много дел. А этот, – Эларан напрягся, особым местом чуя, что речь сейчас снова пойдёт о нём, – этот тебе вторых больше не даст. Гляди, как задрожал.

И Гай, смеясь, разжал пальцы. Стрела со свистом помчалась вперёд и врезалась в деревянный круг.

– Вот это да! – радостно воскликнул Эларан и побежал посмотреть, насколько меток был выстрел. – Почти в яблочко, милорд! – прокричал он, но Гай слушал вполуха. – Я же говорил, что в это раз точно получится.

Самоуверенное мальчишечье хвастовство, однако, не нашло отклика в сердце хозяина Торренхолла. Опустив лук и приняв от подошедшего слуги флягу с водой, Стернс сделал несколько жадных глотков и поманил к себе ту, что до сих пор пряталась в кустах.

– Давно тебя не видел, – буркнул он, когда Рики наконец вынырнула из зарослей уставшей от летней жары листвы.

– Вы часто бываете слишком заняты, милорд...

– И что?

– Боюсь вас лишний раз побеспокоить.

– Чем? Тем, что будешь стоять за спиной, следить за тем, чтобы ни одна муха меня не цапнула, и молчать?

– Молчать так сложно, милорд.

– Верно. Тебе молчание особенно не удаётся.

– Вот поэтому и наблюдаю за вами все эти дни издалека. Вдруг лишний раз потревожу.

– А я из-за этого был вынужден взяться за лук.

Рики недоуменно моргнула.

Стернс вернул флягу слуге и принял от вернувшегося Эларана новую стрелу.

– У вас отлично получается, – выдала Рики, наблюдая, как сосредоточенно Гай целился. Его глаза были слегка прищурены, на лице не дрожал ни один мускул, дыхание было ровным, а руки уверенно сжимали лук и натягивали тетиву. Мгновенье – пёрышки засвистели в направлении мишени, и острый наконечник врезался в не раз продырявленную деревяшку. Стоявший у мишени помощник в один прыжок оказался рядом с кругом и поднял сигнальный флажок, докладывая, насколько точным оказался выстрел.

Гай разочарованно вздохнул, опустил лук и вытер рукавом пот со лба. Снова попросил флягу, снова глотнул воды и только тогда повернулся к Рики.

У той тут же перехватило дыхание.

Сколько дней прошло с тех пор, когда она последний раз стояла так близко к Стернсу и смотрела в его грустные глаза? Она и забыла, какие они красивые, или это просто облака расступились и солнце удачно осветило лицо хозяина, что от одного только взгляда на него у Рики сразу пересохло во рту. Из плена надо было срочно выкарабкиваться, и Рики не придумала ничего лучше как ляпнуть:

– Вам не нужно так заморачиваться, просто держите рядом с собой хорошего стрелка. Его, например.

И ткнула пальцем в ничего не подозревающего Эларана.

Сработало.

Стернс мигом изменился в лице, но даже разгневанным он всё равно был прекрасен, и, подрагивая от колкостей в свою сторону, Рики продолжала украдкой любоваться идеально очерченными скулами, мускулистой шеей, сильными руками и длинными пальцами, одно касание которых способно было согреть холодным вечером лучше всякой печки... Брр. Рики мотнула головой, прогоняя странные мысли. Как же некстати они нахлынули! И когда уже перестанут её мучить? Время идёт, секунды складываются в минуты, надо торопиться к брату, а она замерла на месте и любитесь мужчиной, о котором даже мечтать нельзя.

– Не заморачиваться? – огрызнулся Гай. – Предлагаешь стоять и ждать, когда меня либо подпалит чудовище, либо удивительным образом спасёт какая-нибудь деревенщина? Нет уж, ждать я не собираюсь. На острове я не попал в тварь, но если доведётся ещё раз встать друг против друга, то обязательно попаду. Я буду готовиться к нашей встрече. Каждый день. И когда день нашей встречи настанет, я проткну его сердце или мечом, или стрелой.

– Конечно, проткнёте, милорд, – поспешила согласиться Рики. Спорить было опасно – любой спор грозил задержкой ещё минут на пять, а то и все десять, поэтому Рики быстро сменила тему: – Кстати, о деревенщине. Отпустите меня к брату?

Гай как-то странно побледнел.

– Что?

– К брату, спрашиваю, отпустите?

– В Ланимор? Ты из ума выжила?

– Да нет, – протянула Рики, – не в Ланимор. К центральным воротам. Брат должен быть на городской стене, у капитана Швидоу. Так отпускаете? Мне прям сейчас надо!

– Погоди-ка.

Гай схватил Рики за рукав и дёрнул к себе. Переборщил с силой и тут же почувствовал, как Рики головой ударилась о его грудь. Вымытые волосы оказались не расчёсаны как следует, и паре соломенных прядей хватило и секунды чтобы обвиться вокруг застёжки на куртке Гая. Внезапный плен оказался болезненным – любой шажок или резкое движение немедленно влекли за собой острую боль и заставляли кривиться и морщиться. Один раз Рики даже взвизгнула так громко, что охрана, толкавшаяся на разных сторонах стрельбища, вздрогнула и чуть не обнажила оружие.

– Не тяните, милорд, – простонала Рики, скрипя зубами. – Невыносимо.

– А я и не тяну, – буркнул тот и выронил лук на землю. Обеими руками крепко обхватил Рики за плечи и прижал к себе. Прижал так сильно, что Рики могла слышать, как часто и неровно бьётся его сердце. – Стой так. Не двигайся. Сейчас освобожу тебя. И не шипи.

– Так всё равно больно же.

– Потерпи ещё немного.

До Рики донёсся щелчок. Это Гай расчехлил нож, крепившийся к поясу. Рики запаниковала.

– Погодите-ка, милорд. Вы чего удумали? Вы мне волосы резать собираетесь, что ли?

– Нет, я себе застёжку лучше отрежу, – съязвил тот.

– Уф... Погодите! Вы пошутили про застёжку? Нет, нет, нет! Не трогайте волосы! Уберите нож. Выбросьте его.

Рики снова заплясала на одном месте как ужаленная, и оттого боль во второй раз пронзила голову острым жалом.

– Да остановись же! – рыкнул Стернс.

– Я не дам резать волосы! Они у меня слишком долго растут!

– А что тогда предлагаешь?

– Руками распутывайте. Я б сама, – Рики поблуждала пальцами по груди Гая, отыскивая злополучную застёжку, – но я даже клопа в таком положении не разгляжу. И не дышите мне в макушку! Обжигаете!

– Тьфу.

Гай был вне себя. Сунул нож обратно за пояс, коснулся соломенных прядей пальцами и неуверенно и осторожно потянул, разматывая.

Аромат горьких трав приятно щекотал ноздри. Почему-то в памяти сразу всплыли широкие луга и заросшая папоротником впадина в землях лорда Альгервильда. Здесь, на юге, такого разнотравья не найдёшь: слишком беспощадно солнце и любую опушку сжигает дотла, если ту обошли своей защитой деревья.

Запах трав пробудил и другие воспоминания: спина ощутимо вспомнила твёрдый пол в сарае старика Рэя, где даже ворох сена не помог, на языке проступил привкус терпкого вина, слишком крепкого чтобы в одночасье потерять голову и расчувствоваться перед деревенской девчонкой, а ладони запылали от воспоминаний о жгучих крапивных иглах...

– Вы скоро? – некстати подала голос Рики.

– А ты куда торопишься? – прохрипел Гай. Запах трав, что ли, так подействовал, что голос осип?

– Я же говорила: к брату.

– Что он забыл на стене у Швидоу? Он давно должен быть в деревне, ловить вонючую рыбу.

– С ним что-то случилось. Я сама мало что знаю. Мне рассказали.

– Кто?

– Ваша жена, милорд.

– Мириан?

– Ай!

– Потерпи. Немного осталось... Так Мириан что-то наболтала тебе про твоего брата? Когда?

– Сегодня утром, милорд. Так можно я сбегая на стену и выясню, что случилось?

– Хм... Я мог бы тебя отвезти... Или послать туда своих людей.

– Это лишнее. Лучше я сама.

– И когда же ты собираешься вернуться?

– Сегодня и вернусь. К ночи точно буду. Может, раньше.

– Хм...

Гай высвободил застёжку своей куртки из плена соломенных волос и отодвинул от себя Рики.

Та шустро повернулась к Стернсу и умоляюще посмотрела на него.

– Ладно, – выдохнул Гай. – Иди. Но чтобы к ночи была в замке!

– Буду, милорд! – выпалила Рики, приглаживая торчащие в разные стороны волосы. – Обязательно буду! Мне бы только узнать, что случилось. Я вся извелась.

– Надеюсь, всё с твоим братом хорошо.

Стернс стоял, не двигаясь, и пристально смотрел Рики вслед, пока та не исчезла из вида. Затем поставил на лук новую стрелу, заново натянул тетиву и прицелился, представляя, что мишень напротив – то самое наваждение, от которого хотелось скорее избавиться.

– Готовы? – спросил находившийся рядом Эларан.

Гай кивнул.

– Тогда на счёт три. Один.

Сердце, так неуёмно бившееся из-за какой-то там застёжки, уже успело успокоиться, но пальцы ещё помнили...

– Два.

Они помнили, какими наощупь были её волосы: короткие и жёсткие, с трудом поддающиеся расчёсыванию и уж совершенно несогласные уложиться в какую-либо причёску. Но какими бы они ни были, они казались Гайларду мягче шёлка, а пахли... На мгновенье Гай даже закрыл глаза, чтобы вновь позволить себе в мыслях унести в папоротниковые земли и заново пережить то время.

– Три!

Гай выстрелил и вскоре услышал разочарованное:

– Эх, опять мимо... Погодите-ка, лорд Стернс, вы, что же, с закрытыми глазами стреляли?

Гай хмыкнул, открыл глаза, сунул лук в руки изумленного Эларана, отпил из протянутой фляги и неторопливо пошёл в сторону дверей, ведущих в замок. На сегодня со стрельбой было закончено.

Замок Торренхолл возводили долго; вначале за дело взялись одни мастера – заканчивали же крепость уже совсем другие. Было время, строительство останавливалось на несколько лет, и плата за этот простой была велика: часть ценных чертежей оказалась утеряна или же попорчена крысами. Пришлось составлять новые. Делалось это отчасти по памяти, а где не смогли вспомнить – придумывалось новое. Ко времени, когда было принято волевое решение прекратить многолетнюю стройку, Торренхолл уже славился несметным количеством потайных ходов, коридоров и проходов, в которых путались не только хозяева, но и слуги, по много раз за день сновавшие туда-сюда. Некоторые из Стернсов так и не смогли похвастать тем, что обошли весь замок с первого этажа до последнего, некоторые старательно изучали каждый уголок, но, открывая для себя новые каморки, забывали о расположении старых. Гайларду же надоело бродить по длинным коридорам ещё в детстве. Сузив для себя круг комнат до десятка, он большую часть времени проводил в одной из них, и располагалась она почти у самой крыши. То был рабочий кабинет отца, служивший старому лорду также библиотекой. В его стенах Гаю было спокойно. А из окна открывался вид на самый красивый и самый оживленный город юга...

...Вот уже минут тридцать Гайлард Стернс стоял у открытого окна, скрестив за спиной руки, и смотрел в никуда. Летний ветер играл прядями его волос, поглаживал по щекам, пытался даже распрямить морщинки на лбу, но последнее, увы, было ему не под силу.

Гайлард заботам ветра не противился. Позволял играть с волосами, позволял себя нежно ласкать, а сам всё стоял и смотрел вдаль, туда, где заканчивалась стена, разделяющая замок и город, и откуда в разные стороны уходили мощёные камнем улочки, на которых кипела самая обычная жизнь. Там гремели на наковальнях, скрежетали щипцами, отмеряли муку и плескали из кувшина в миску жирное молоко, коптили рыбу, строгали по дереву, веселили детей, стирали белье и путались в тканях и лентах, перебирали бусины, сплетничали и целовались в открытую и тайком... С высоты башен Торренхолла это всё напоминало один большой муравейник: если туда упадёт ценная бусина, её будет уже не найти. Поэтому бесполезно было шуриться и пытаться отыскать среди пестроты задорный вихор цвета соломы, за одну секунду любования которым Гайлард отдал бы сейчас всё на свете. Почему? Он и сам не знал. Впервые за много дней он отпустил Рики так далеко от себя, и впервые за эти дни в его сердце вновь заглянула пустота, о которой он как-то незаметно для себя успел позабыть.

Тяжело вздохнув, Гай отошёл от окна и сделал несколько шагов к столу. Бумаг на том скопилось столько, что разбирать придётся неделю. Гай тут же поймал себя на мысли, что в последнее время сильно обленился. Все дни проводил за пустыми делами, будь то стрельба из лука или выслушивание рассказов Мириан о том, что она делала, пока он был в отъезде.

Во время этих рассказов Мириан всегда задорно смеялась, и её улыбка была очаровательной, но только Гаю отчего-то было невероятно скучно. Он делал вид, что рассказы его интересуют, а сам с трудом скрывал зевоту и обычно уходил из комнаты раньше, чем жена заканчивала с историей. Мириан не обижалась.

Выдвинув кресло, Гай сел в него, выбрал из стопки бумаг несколько прошений, расправил первое и пробежал по нему глазами. Сразу видно, что составлял Дагорм. Опять шатался среди бедноты и выпрашивал, чего кому не хватает. Кто-то попросил козлёнка, кто-то – новое корыто, а кто-то – бусы для дочки. Стернс хмыкнул. Невелики просьбы. И просящим повезло, что настроение у хозяина в последнее время доброе, хоть и меланхоличное, поэтому будет им и козлёнок, и корыто, и бусы...

Перо послушно скрипело по твёрдым листам, когда Гай ставил подпись. Одна за другой, те ложились на разного рода письма, многие из которых были по сути мелочи. Так прошёл час или около того, и когда Гай отставил перо в сторону, отодвинулся в кресле от стола, вытянул ноги и прикрыл глаза, впав от скуки в лёгкую дремоту, дверь в кабинет приоткрылась, и ласковым голосом спросили:

– Ты не занят? Я могу войти?

То была Мириан, и Гай нехотя повернул голову в сторону двери, и чуть приоткрыл глаза.

– Что-то срочное?

Леди Стернс прошелестела тяжёлым платьем.

– Я долго искала тебя. Никто не знал, где ты. Даже твой самый верный и всезнающий советник.

– Ты о старике, что ли?

Мириан улыбнулась.

– Когда тебя не было, он часто ворчал то на слуг, то на сражу, но со мной был всегда мил и добр.

– Ещё бы. Ты его госпожа.

– Ему столько лет, что я чувствую себя рядом с ним не госпожой, а ученицей.

– Ты слишком добра к людям. Так нельзя.

– Я всегда такой была... Брат этим был сильно недоволен.

– Теперь ты можешь высказать ему своё недовольство. Ты – жена будущего короля Нолфорта, и весь мир должен быть у твоих ног. Тем более какой-то там Ллевингор, который скоро войдёт в состав нашего королевства.

– Кстати, о Ллевингоре... – Мириан подошла к Гаю и присела на краешек стола, сдвинув бумаги к книгам. – Вы с братом уже всё обговорили?

– Я хотел заняться этим вопросом сразу после свадьбы, но срочные дела отвлекли... – ответил Стернс и тут же поймал себя на мысли, что со всей этой погоней за неуловимым противником он совсем забыл о самом главном: о том, чем должен заниматься правитель, неважно, будущий или настоящий.

Впервые с ним было такое. Впервые он посвятил себя тому, что тревожило его сердце. Впервые делал что-то не на холодную голову и впервые дрожал за жизнь. Не свою – чужую. И от этого его часто бросало в жар, крутило и выворачивало наизнанку, и уж точно заставляло думать о чём угодно, только не о расширении территорий.

Мириан окинула взглядом разворошенные свитки.

– Это и есть срочные дела? Что-то важное в документах? Я могу помочь?

– Сколько сейчас времени? – прохрипел в ответ Гай.

Мириан перевела взгляд на окно.

– Скоро обед.

Гай тяжело вздохнул.

– Как же медленно, – пробормотал он и снова закрыл глаза.

- Медленно?
- Медленно тянется время.
- Ты куда-то спешишь?
- Хочу, чтобы побыстрее наступила ночь.

Эта дрянная девчонка обещала, что к ночи вернётся. Но почему именно к ночи, а не к ужину, например? До ночи же ещё так далеко!

Гай потёр руками лицо и открыл глаза. Мириан смотрела на мужа в упор, и лёгкая, очаровательная улыбка не сходила с её губ.

– Зачем ждать ночи, если можно всё сделать сейчас? – проронила леди Стернс и скользнула с края стола на колени к мужу. Провела пальцами по застёжкам его одежд и принялась медленно расстегивать одну за другой. В третьей сверху застряла пара светлых волосков, но Мириан только смахнула их пальцами на пол и даже ничего не спросила.

Её мягкие, влажные губы захватывали его мочку уха, касались его щёк и спускались ниже. Её руки, совладав со всеми препятствиями, блуждали по его горячей груди. Её волосы растрепались, в какой-то миг лишившись шпильки, и разлетелись по плечам и спине: длинные, шелковистые и безумно пахнущие травами. Горькими травами. Теми самыми, от которых ещё пару часов назад Гая повело так, словно земля начала уходить из-под ног.

Гай помотал головой, прогоняя видение.

Мириан тут же приподнялась, прекратив ласки.

– Я что-то делаю не то? – робким шёпотом спросила она. – Я ещё не до конца опытна в этих делах...

Гай снова помотал головой и сам не понял, почему так сделал: то ли отрицал слова Мириан, то ли снова боролся с нахлынувшими воспоминаниями.

– Твои волосы... – с трудом пробормотал Гай. – Они так пахнут...

Мириан взяла прядь волос и осторожно поднесла к носу. Вдохнула.

– Я чувствую только мыло.

– Оно на травах?

Мириан снова вдохнула запах своих волос.

– Возможно. Но если тебе не нравится, я больше не буду им пользоваться. Попрошу Дагорма сварить мне новое.

– Попроси.

– Так и сделаю. Для этого, конечно, понадобится время, но думаю...

– А сколько сейчас времени? – совсем рассеянно спросил Гай.

Мириан недоуменно посмотрела на мужа.

– Ты спрашивал меня об этом всего несколько минут назад.

– Прости. Я что-то сегодня сам не свой.

Мириан зашелестела платьем, слезая с коленей мужа.

– Мне кажется, я зашла не совсем в подходящий момент. Ты занимался делами, а я тебя отвлекала.

Гай схватил жену за руку.

– Мириан, постой.

Но леди Стернс ловко вывернулась.

– Я и правда здесь лишняя сейчас. Лучше закончи то, что начал, а всё остальное подождёт ночи.

Гай и сам не заметил, как легко позволил жене уйти. Просто разжал руку и отпустил, ни секунды о том не жалея. Потом встал, прошёл к окну и снова бросил взгляд вдаль, туда, где, не переставая, кипела жизнь. Он смотрел долго, не отрываясь, и в какой-то момент ему даже показалось, что видит те самые смеющиеся глаза и то самое лисье личико, обрамлённое криво стриженными светлыми прядями, а около того личика – рыжие усы-щётки, что тянутся

вперёд и так и норовят прижаться к бледным, розовым губам, нежным, как цветки фиалки. От такого бреда участилось сердцебиение. Но длилось оно недолго. Наваждение прошло, и то, что представлялось рыжими усами, обрело вид бледно-коричневых панталон, а смеющиеся глаза и лисье личико оказались лишь кукольной мордочкой, намалёванной на цирковом фургончике. Однако легче от этого не стало.

– Я не могу ждать ночи, – пробормотал сам себе Гай и бросился к дверям. – Я сойду с ума. Точно сойду. Эта девчонка довела меня.

Когда Стернс выскочил на улицу, на конюший двор, там тут же поднялся переполох. Гайлард спешно просил лошадь и принялся ругаться, когда увидел, что вместо одной самой быстрой ему ищут сразу три.

– Так вы же не поедете за ворота без охраны, – оправдывался конюший. – Кто будет с вами, милорд? Капитан Шеллинг?

– Я еду один, – только и процедил сквозь зубы Гай.

Сообразив, что слуга ни черта не понимает, сам схватил под уздцы первую попавшуюся лошадь и вывел во двор.

– Погодите, милорд! – закричал конюший, когда Стернс вдел ногу в стремя.

– Ну, чего ещё? – грубо кинул Гай, готовый вот-вот пустить лошадь в галоп.

Слуга беспорядочно заводил руками по своей груди, всюду тыча пальцами.

– Вы бы хоть того... застегнулись, что ли. А то люди увидят...

Гай выпустил из рук поводья.

Он и не обратил внимания на то, что расстёгнутые Мириан застёжки так и остались неряшливо болтаться. Наскоро закрепив все крючки на куртке и оправив воротник сорочки, Гай пришпорил лошадь, и та рванула вперёд, в направлении центральной городской стены. Ошеломлённым стражникам только и оставалось что смотреть ей вслед, а после задаваться вопросами, что это вообще было...

Глава 4. Неприятная весть

На городской стене было тихо. Ночь сменяла день, а день – ночь, стражники заступали на пост в строго назначенное время, и что утром, что вечером их отчёты были до скучного одинаковы, и если вначале Дуон Швидоу зевал на пятой, а затем на третьей фразе, то этим днём он принялся зевать ещё до того, как был пойман во дворе дозорным.

– Капитан! – выкрикнул стражник и зачастил ногами в сторону Дуона.

– Давай, – лениво махнул рукой Швидоу, приготовившись выслушать заранее известные слова.

Однако сказанное дозорным заставило зр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.